

УДК 930(2)

**ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО И ЛИЧНОГО ОБИХОДА
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ ЭПОХИ**

© 2021 О.Н. Яхно

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук

Статья поступила в редакцию 16.08.2021

В статье обосновывается необходимость расширения источниковой базы изучения истории повседневности. Отмечается, что в этом направлении исследований создан солидный историографический задел. Вышедшие в последние годы издания, посвященные реконструкции повседневной жизни столиц и провинциальных центров, отличаются широтой обобщений и выводов. Вместе с тем практически все исследования опираются на нормативно-правовые акты, делопроизводственную документацию, статистические материалы, публикации в периодической печати того времени, письменные источники личного происхождения. Гораздо меньше в качестве источника используются предметы материальной культуры, «вещного мира», окружающего человека в повседневной жизни. В статье показано, как анализ предметов домашнего обихода, разнообразных принадлежностей для свободного времяпрепровождения и ухода за собой способен углубить представления не только о материальной стороне быта, но и о разнообразии индивидуальных и групповых предпочтений, стилей поведения и общения, ценностных ориентаций людей. Делается вывод, что такой подход особенно важен при изучении изменений в повседневной жизни, наблюдавшихся в переломные эпохи российской истории, каковой являлось начало XX века.

Ключевые слова: источниковедение, повседневная жизнь, вещные источники, менталитет, образ жизни, эпоха модерна

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-108-117

Еще не так давно учебники, научные публикации и музейные экспозиции преимущественно рассказывали о значимых исторических событиях, «великих» исторических деятелях, различных доктринах и учениях. Традиционно гораздо меньше внимания уделялось частной жизни, реконструкции стиля и духа эпохи. И только в последние десятилетия ситуация стала меняться. Сегодня изучение повседневных практик людей считается не менее актуальной задачей, чем анализ трансформаций территориально-отраслевых административно-бюрократических структур, выявление сдвигов в общественно-политических

и социально-экономических отношениях. Это справедливо и для исследований позднеимперской эпохи российской истории. Наблюдавшиеся в то время эрозия сословного государства, появление новых социальных слоев, соперничающих политических воззрений и ценностных систем радикально меняли жизненный уклад. В нем причудливо переплетались новые и традиционные формы общения и поведения людей в трудовой, общественно-политической и бытовой сферах. Во многом они плохо согласовывались между собой. И это создавало благоприятную среду для возникновения конфликтных ситуаций как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Отсюда – рост социальной напряженности в обществе, который в конечном счете обер-

*Яхно Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: mrsyakhno@mail.ru*

нулся революционными потрясениями. Особенно зримо это проявлялось в крупных динамично развивающихся городах, являвшихся локомотивами перемен. Можно с уверенностью сказать, что системный подход к изучению повседневной жизни городского населения дает богатую информацию о специфике российской истории на одном из ее переломных этапов. А сам город предстает как комплексный объект в единстве своих многообразных функций, как динамично развивающаяся хозяйственная, социальная и культурная целостность в различных контекстах интерлокальных и региональных связей¹.

Предметом исследования при таком подходе становится жизнь «частного человека», его повседневные, «нормальные», привычные действия, включая эмоциональные реакции на те или иные события. Однако их реконструкция не так проста. Во-первых, эта сторона действительности очень широка, всеохватна. Во-вторых, у историка часто нет источников (или слишком много, что одинаково осложняет дело), относимых именно и только к ней. В-третьих, эмоциональные реакции на бытовые и малозначимые факты зачастую восстановить куда трудней, чем сами факты. В-четвертых, исследование повседневности не может ограничиваться материальной стороной быта людей. Не менее важна реконструкция повседневного сознания и поведения. Индивид в исследованиях повседневности должен быть воспроизведен действующим на жизненной сцене в заданных обстоятельствах (природных, временных, политических), показан определяющим ситуацию, конструирующим – совместно с другими – социальные роли и играющим их.

Нужно отметить, что в этом направлении в отечественной историографии создан солидный научный задел. В частности, имеется ряд монографических изданий, посвященных реконструкции различных сторон повседневной жизни российских столиц и крупных провинциальных центров². Они отличаются глубиной анализа,

широтой обобщений и выводов. В то же время следует подчеркнуть свойственную им общую черту. Эти исследования в основном опираются на разнообразный круг письменных источников: нормативно-правовые документы, законодательные акты, делопроизводственную документацию, статистические обзоры, периодическую печать и т.д. Такой подход соответствует традиции отечественной школы источниковедения, которая оставляет прерогативу за письменными, преимущественно официальными источниками. Но и здесь отмечалось, что соотношение разных видов источников, их место в информационном поле эпохи составляют особую исследовательскую проблему³.

Озабоченность состоянием источниковой базы высказывают авторы фундаментального труда, подготовленного под руководством А.К. Соколова. В нем говорится, что прежнее источниковедение уже «не оправдывает себя. Необходимо привлечение новых источников, иное прочтение тех, которые считаются основополагающими, изменение способов работы с ними. В теории это касается, прежде всего, переоценки устоявшихся в источниковедении классификационных схем и переосмысления значимости отдельных типов и видов источников для исследовательской практики историка»⁴. Похожие оценки содержатся в других авторитетных изданиях. Отсюда делается вывод о необходимости расширения источниковой базы. Поэтому отчетливо наметилась тенденция введения в научный оборот документов личного характера (эго-документов)⁵, литературных произведений, кинофото-фономатериалов.

Однако, на наш взгляд, перечень перспективных источников будет неполным без включения в него предметов материальной культуры. Сегодня редкий историк (мы не берем археологов и этнографов) использует их для реконструкции повседневной жизни. В большей мере предметной среде, окружающей человека, уделяют внимание социологи, дизайнеры, маркетологи,

культурологи, искусствоведы. Ими же справедливо подчеркивается, что вещи способны многое рассказать об их владельцах. Поэтому цвет, силуэт, пропорции, фактура материала и пр. несут значимую социальную информацию. Она не столько характеризует саму вещь, сколько рассказывает о разнообразии индивидуальных и групповых предпочтений, стилей поведения и общения, ценностных ориентациях людей. Анализируя окружающий человека вещный мир, можно даже получить важную информацию об экономической ситуации, реальной социальной стратификации и психологическом климате в обществе⁶. Важно также учитывать еще одно обстоятельство. Если вербальные исторические источники при их создании могут быть подвержены какой-то цензуре, то материальная сторона повседневного быта скорее всего не обременена такими идеологическими рамками. Это открывает дополнительные возможности для проявления особенностей восприятия человеком внешнего мира, глубинных мотивов его поведения.

Прежде всего речь идет о костюмном комплексе⁷ и предметах домашнего обихода, включающих кухонную и столовую посуду, приспособления для хранения и переноски вещей и продуктов питания, а также разнообразные принадлежности для свободного времяпрепровождения и ухода за собой. Все они тесно связаны с такими подсистемами материальной культуры, как мебель и орудия труда, и вместе заполняют среду обитания, в частности различные пространства в домах. В отличие от других элементов жилищ, они относительно подвижны внутри и своим формообразованием, материалом, орнаментом быстро реагируют на новые стилистические требования. Стилевое единство является настолько значительным критерием формообразования, что по характеру формы даже отдельного предмета можно судить о времени его создания и доминирующих культурных предпочтениях. Они определяются ментальными установками и материальными условиями существо-

вания людей. И их изменения оказывают непосредственное влияние на бытовое поведение, все аспекты повседневной жизни⁸.

В современной историографии эта взаимосвязь прослеживается на примере эволюции городского костюма конца XIX - начала XX века⁹. Отмечается его растущая приверженность моде¹⁰. Такой вывод подтверждает анализ предметов одежды из музейных коллекций, которые дополняют выкройки, фотодокументы и художественные изображения людей (картины, графика, открытки, этикетки, реклама и пр.) в различных жизненных ситуациях, журналы мод того времени. Они являются неким идеальным синтезом источников двух типов - иллюстраций и текста, что расширяет информационное поле за счет дополнительного описания модных элементов и степени их распространения. Фотографии, особенно сделанные в кругу семьи, не в ателье, позволяют увидеть костюм во всей полноте его повседневного бытования. Это позволяет углубить наши представления о благосостоянии людей, лучше понять вектор социальных изменений и масштабы распространения культурно-эстетических новаций, свойственных буржуазному образу жизни.

Думается, что столь же широкие возможности для исторических реконструкций открывает анализ предметов домашнего и личного обихода, обустройства жилища в целом. Здесь, как и в костюмном комплексе, имели место заметные новации. Это зафиксировано и в средствах массовой информации того времени, фотодокументах и предметах, сохранившихся в музейных и личных коллекциях. Они свидетельствуют об увеличении количества и расширении разнообразия домашней утвари.

Авторы изданий, посвященных домоводству и кулинарии, особое внимание обращали на подбор необходимой посуды, приспособлений и основного оснащения кухни. Называлось до ста наименований кухонной утвари, которые желательно иметь в хозяйстве. Считалось, что в каждом доме должен быть цинковый бак для мытья по-

суды, жестяной эмалированный таз, различные кастрюли, формы для выпечки и чугунные сковороды, самовар, мороженица и пр.¹¹. Рекомендовалось учитывать растущую специализацию кухонной продукции, многочисленные рекламные объявления убеждали хозяек в необходимости иметь различные кастрюли: медные, железные, эмалированные, алюминиевые, из огнеупорной глины. Отмечалось, что к их подбору нужно подходить рационально: «Вместо медных кастрюль можно приобрести чугунные эмалированные внутри, они много дешевле, но зато и служба их много короче. Или же жестяные оцинкованные, также с крышками и ручками»¹². Увеличению ассортимента доступной кухонной утвари способствовало фабричное производство, заметно снижавшее ее цены. Одновременно повышалась возможность приобретения различных механизмов – мясорубок, соковыжималок, машин для чистки картофеля, резки хлеба и т.д., – заметно облегчавших процесс приготовления пищи¹³. И все это, если судить по рекламе, было в наличии не только в столичных, но и провинциальных магазинах. В прессе постоянно публиковались объявления, что в продаже имеются «самовары, кофейники и приспособления к ним. Посуда: никелевая, алюминиевая, медная, эмалированная, чугунная. Кухни: спиртовые, газовые, керосиновые. Утюги: спиртовые, паровые и простые. Ложки алюминиевые, мельхиоровые. Выжималки для белья американские»¹⁴.

В фабричной эмалированной посуде, утверждали печатные издания, лучше отстаивается молоко, специальный кружок для снятия пены позволяет получить более вкусное варенье, а специальная кастрюля для кипячения молока со «сторожем» избавляла от неприятного вкуса и запаха любую самую занятую хозяйку¹⁵. Стоило обратить внимание на появление новых материалов, из которых делалась кухонная посуда. В частности, новым было применение алюминия для предметов в кухнях, туалетах, используемых в дороге¹⁶. А в бо-

гатых и элегантных домах «модным и оригинальным кофейником считается подражание турецкому кувшину. Такой серебряный кофейник очень эффектен и удобен, потому что чашки к нему могут быть какого угодно фарфора. Очень легко получить в России на наших прекрасных фарфоровых заводах имитации всех фарфоров, что будет стоить много дешевле». Автор заметки подчеркивал, что «в новом сезоне ликеров к кофе не подают, только сигары и сигареты, особенно с золочеными мундштуками, указывающими на тонкий вкус наших дам. Сигары также стало модно подавать в ящиках из черного стекла с золотыми или серебряными ободками. А уж “ящик” из дымчатого топаза в платиновой оправе может быть изящным подарком»¹⁷. Все эти вещи использовались для определенного ритуала и были красноречивым свидетельством определенного образа жизни и мировоззрения.

Предметы фабричного производства соседствовали с кустарными изделиями. В одно и то же время в хозяйствах городских и сельских жителей использовались для дробления круп ступка и пест, как деревянный, так и фабричный чугунный. Но металлические изделия фабричного производства (например, миксер, формы для выпечки кулича) употреблялись в основном городскими жителями¹⁸. Различные черпаки для измерения объема жидких и сыпучих продуктов были в ходу у зажиточных горожан, в частности купцов¹⁹. Эти изменения коснулись широких слоев городского населения. В рабочих семьях широко бытовала традиционная глиняная и деревянная утварь местного кустарного изготовления: горшки, кадки, блюда и миски²⁰. Изделия местных фабрик отличались функциональностью, простотой и традиционностью форм. Сама посуда была толсто-стенной и грубой, с лаконичной росписью. Можно отметить, что каждодневная посуда была разномастной, приобреталась по случаю. А вот в качестве парадной посуды широкое распространение получили сервизы. В любом хозяйстве присутствовало много

всякой мелкой самодельной утвари из дерева. В домах рабочих употреблялись также разного рода формы: вафельница литая чугунная с приклепанной длинной железной ручкой; каравайница глиняная для выпечки караваев; формочки для желе; много было деревянных форм²¹. Медная посуда в обиходе рабочей семьи почти совершенно отсутствовала, зато широко употреблялась зажиточной частью населения. В начале XX века в хозяйстве состоятельных рабочих появилась эмалированная посуда: кастрюли, тарелки, блюда, соусники, супницы²². Это говорит о распространении в широких слоях населения, в том числе и рабочих, городского образа жизни. Выражением нового мещанского вкуса было придумать для стола оригинальные украшения. Это были не всегда удобные сосуды в виде фигур или тарелки, всю поверхность которых занимали фарфоровые овощи, фрукты либо имитация салфеток. А магазины также рекламировали свой ассортимент: «Футляры для спичек, табакерки, солонки, сахарницы, сахарницы, сливочники. Кольца для салфеток, Порт-монэ. Ситочки: бадейкой и с ручками, щипцы для сахара савочки для чая, вилочки для лимона. Ложки столовые, десертные, чайные, кофейные и солевые, золоченые и белые. Мельхиоровые изделия Варшавских фабрикантов. Вазы для фруктов, десерта, масла, сахара, меда, варенья, икры. Тарелочки для лимона, разрезывания хлеба, бутылок. Подносы. Блюда для подношения хлеба. Подставки для фруктовых ножей, столовых ножей. Судки для стола мельхиоровые. Кружки для пива. Приборы для вина, яиц. Масленки с ледником. Чайники и кофейники. Пробки для бутылок в т.ч. стеклянные»²³.

Широкий ассортимент всех этих приспособлений говорит об активном поиске оптимально работающих механизмов и красивых форм. В них же находится способ решения давней проблемы: облегчить, упростить сам процесс приготовления еды. Люди, занятые на службе и не имеющие финансовых возможностей пользова-

ся услугами поваров, получили возможность готовить дома. К тому же и времени на приготовление пищи при помощи новых приспособлений требуется несколько меньше, чем по традиционной технологии. Так, разделы книг, которые посвящены кухне и ее принадлежностям, знакомят нас с вариантами печей и плит, используемых в городских домах к началу XX века. Цивилизация старалась максимально упростить некоторые трудоемкие стороны повседневной жизни. В век открытий во всех областях особенно осознается динамизм современной жизни. «ВЕСЬМА оригинальный и практичный новоизобретенный прибор. Аппарат-кухня с сухой вечно не портящейся массой, благодаря которой аппарат-кухня моментально зажигается и горит сильным пламенем без копоти и дурного запаха, горение 1 к. в час. Абсолютно безопасно. Чудо-кухня необходима каждому семейному и холостому, гг. офицерам незаменима в походе. Благодаря складному прибору служит походной кухней»²⁴.

На оборудование кухонь непосредственное влияние оказывало изменение условий проживания горожан. В небольших городских квартирах невозможно было разместить традиционную русскую печь. И они оснащались более компактными плитами и духовыми шкафами. Это ускорило и расширило возможности в приготовлении пищи, на что обращали внимание практически во всех кулинарных изданиях. Составитель книги «Образцовая кухня» отмечал, что в русской печи очень трудно приготовить бифштекс или зажарить мелкую птицу. «А что касается до соусов, то хорошо изготовить их и думать нельзя, между тем как в настоящем гастрономическом столе соусы составляют главную принадлежность, без них обойтись невысказанно, т.к. они придают разнообразие столу и весьма часто посредством провизии превращают в очень вкусное блюдо»²⁵.

Замена традиционных русских печей на другие - газовые, спиртовые и пр., позволила внести разнообразие в способы

обработки продуктов питания. Теперь они не только «томились» или пеклись, но жарились, тушились, варились, готовились на пару. Это, в свою очередь, вело к разнообразию вкуса, цвета, консистенции готовых блюд. Такие достижения в сфере новых технологий приготовления пищи становились доступными все большему числу лиц на собственной кухне при небольших затратах средств, времени и сил. Да и блюда русской кухни все чаще заменялись французскими, немецкими, еврейскими.

Рекламировались и различные приспособления для поддержания чистоты комнат, одежды и белья. Рекламировались некоторые новинки домашней бытовой техники - пылесосы, стиральные машины. Объявлялась война пыли и микробам. Увеличивается количество различных щеток, которым приписывалась только одна функция. Например: щетка с длинной ручкой, чтобы можно было достать до потолков, широкая паркетная щетка, щетка для мягкой мебели, «выбивалка» для шелковой мебели и портьер, щетка-ковроочиститель» широкая и передвигалась на колесах²⁶. В рекламном объявлении встречается описание аппарата, который прикреплялся к длинной щетке, а пыль всасывалась мощным током воздуха в особый мешок. «Уже теперь повсюду за границей в домах имеются вода, электричество или газ. Тогда наступит рациональная чистка домашних вещей, платья, ковров и вместе с пылью будут удаляться микробы»²⁷.

Машины и механизмы советуют применять и для стирки, т.к. «хорошая машина меньше портит белье, чему усиленное трение руками»²⁸. «Паромойка Иона – непобедимая стиральная машина. Стирает исключительно паром и одновременно дезинфицирует белье. Ничуть не нарушает и не портит белье»²⁹. Аналогичную заботу мы видим в описании мелких приспособлений для сушки белья. «Практичные иностранцы, экономя в расходах, заботятся о том, чтобы их вещи не портились. Недавно в продаже появились новые железные крючки для сушки белья с фарфоровыми роликами, вы-

пущенные фирмой «Архимед». Они не рвут веревки, не ржавеют и не страдают от условий погоды»³⁰.

Можно сделать вывод, что именно самая консервативная часть ведения домашнего хозяйства, а именно готовка и уборка, оказалась подверженной самому сильному влиянию последних достижений науки и техники. Именно в области содержания дома и приготовления пищи стали применяться термины, связанные с функциональностью, практичностью, сохранением здоровья и пр. В различных слоях городского населения степень благоустройства была различной, как и причины, их вызывающие. Одни стремились к усовершенствованию жилищных условий, большей комфортабельности, уменьшению хозяйственных забот. Другие искали дополнительный источник доходов. Сдаваемое в наем жилье в Екатеринбурге было весьма разнообразным. Но все чаще появляется указание на наличие электрического освещения, отдельной кухни, теплого клозета³¹. Городские технические мастерские предлагали оборудование для «полного устройства водопроводов, ватер-клозетов и канализаций, автоматические печи для ванн, унитазы, ванны, краны»³², хотя в городе не было водопровода.

Несколько предметно-вещевых комплексов позволяют реконструировать интерьеры различных комнат. Благо рекламы позволяет хотя бы их перечислить: письменные, туалетные, умывальные приборы, лампы и принадлежности к ним, бронза и мельхиор московских и варшавских фабрик, венская мебель различных производителей, венские и английские кровати³³. Кресла, диваны, комоды и шкафы составляли различные комплекты для дома и дачи. Эти предметные комплексы фиксируют различное назначение комнат, а также формируют свою атмосферу в них.

Не случайно во многих рекламных объявлениях фигурирует венская мебель. М. Тонет создал технологию, которая позволяла на водяном пару гнуть клеевую дубовую фанеру и изготавливать из нее легкие фор-

мованные мебельные вещи. В 1915 г. братья Тонет удостоились чести в ходе выставки «Детский мир» преподнести комплект мебели Е.И.В. государыне императрице Марии Федоровне³⁴. Другим важным открытием стала возможность изготовления трубчатой мебели, которая стала популярной в большинстве городских домов. Дешевизна, легкость и гигиеничность делали возможным ее перевозку на дачи. Нередкими были комплекты бамбуковой мебели. Их также часто использовали на дачах, верандах. В качестве антуража - в фотоателье.

Преобладающим стилем была эклектика. Комнаты стали заполняться разнообразными предметами для обеспечения комфорта и интересного проведения досуга. Сотни вещей, мебель, цветы, безделушки иногда почти загромождали жилое пространство. Вещи приобретают все большую функциональную специализацию. А предметы разных стилей начинают мирно сосуществовать в одном помещении. Различная малогабаритная мебель (например, столики для шитья, этажерки и различные подставки), корзинки для бумаг, экраны для свечей и ламп, футляры и шкатулки отличались широкими изогнутыми линиями контура, мягко изогнутыми поверхностями.

В конце XIX столетия возникло новое художественное направление, объединившее творчество живописцев, графиков, архитекторов, критиков, писателей и поэтов. Стиль модерн оказал самое большое влияние на полиграфическую продукцию и изделия прикладного искусства. Разнообразные журналы предлагали специализированные приложения с рисунками для рукоделия в новом стиле: вышивка, шитье, выпиливание и выжигание по дереву и бархату, тиснение по коже, гравюры. Украшать различным способом можно было многочисленные предметы домашнего обихода.

Значительные изменения в этот период претерпел интерьер жилища рабочих. Вместо лавок и грубо сколоченного стола появляются столы на точеных ножках, сту-

лья, различные шкафы и другая городская мебель, вместо сундуков шире используются комоды фабричного изготовления. Дома высококвалифицированных рабочих заполняет мягкая и венская мебель, зеркала³⁵, что также говорит о тенденции проникновения в повседневную жизнь идеи комфорта. Общей для всего периода тенденцией является удешевление убранства комнат: чугун вытеснил бронзу, майолика сменила фарфор, плюш и репс заменили атлас и бархат, клеенка – кожу, фотографии – живописные произведения³⁶.

Определенное влияние на занятия и хобби оказал технический прогресс. Появляются граммофон, аппараты для показа «волшебных картин», картины и стереоскопические виды к ним. Это также отражено в рекламных объявлениях: «Теперь счастье и радость Вашей семьи зависит только от Вас! Продажа французских граммофонов»³⁷. Широкое распространение получает увлечение фотографией. Для таких любителей издавались специализированные журналы: «Фотограф-любитель», «Фотографические новости», «Фотографический листок», «Фотографическое обозрение». Для хранения фотографий и открыток нужны были альбомы и рамки. Открытые письма выпускались по разным поводам: именинам, различным праздникам. К Пасхе традиционно предлагались яйца – фарфоровые, бронзовые, шоколадные с сюрпризом. Предлагались товары для аквариумов, цветоводства, коллекционирования и пр.

Увлечение различными видами спорта увеличило в обиходе количество спортивного инвентаря. Например, в Екатеринбурге Общество велосипедистов и любителей физического развития прилагало усилия к популяризации конькобежного и лыжного спорта. В декабре 1911 года в «здании цирка на Дровяной площади открывается скеттинг-ринг, устраиваемый американцем Гарри Блаквель»³⁸. И если большинство не могло себе позволить купить велосипед, коньки или ролики, то можно было взять их напрокат.

Фабричное производство предметов домашнего обихода способствовало распространению массовой культуры и вело к изменению различных сторон повседневной жизни большинства горожан. Становится обычным стандартное потребление, унифицируется стиль жизни различных профессиональных групп населения. Важным становится понятие комфорта (сочетание рационального и удобного). Вещи домашнего обихода перестают быть особой ценностью, появляется фактор их морального старения. Постепенно устанавливаются некие общепризнанные образцы, которым стремятся следовать люди независимо от своего социального положения и материального достатка. Во многих случаях заимствование новинок было поверхностным и принципиально не меняло сути жизненного уклада. Подобная ситуация свидетельствовала о сложности восприятия новых веяний, создавала предпосылки столкновения в повседневной жизни людей с разными культурными ценностями. Перемены в обществе, провозглашенные под знаменами рационализма, просветительства, ориентации на западный прагматизм и деловитость, сталкивались с их российским воплощением.

В заключение следует отметить важную особенность использования окружающего человека «вещного мира» в качестве источника реконструкции изменений, происходящих в повседневной жизни. Решающую роль здесь играет не столько их отбор, сколько угол зрения, критерии анализа, т.к. информация ментального характера не фиксируется в материале специально. Его стандарты задаются в том числе средствами массовой информации, литературой, кинематографом, изобразительным искусством, образованием, рекламой. Именно они определяют дискурс, одновременно и описывающий сложившиеся практики, и предписывающий нормы поведения человека в различных сферах жизни. Такие установки становятся для широких кругов населения неким императивом³⁹. Поэтому расширение традиционной источниковой базы за

счет привлечения вещественных источников позволит более подробно реконструировать особенности городской жизни, придает исторической картине объем и многомерность. Это приведет к лучшему пониманию как макроуровень и микроуровень связаны между собой.

Идеи, которыми руководствуются люди в своей деятельности, меняются значительно медленнее, чем материальные условия, и, значит, вся жизнь людей будет находиться под их совместным и противоречивым воздействием. Анализ материально-вещной среды, несущей скрытую информацию, помогает более полно оценить глубину происходящих изменений в обществе. В такие периоды вещь одновременно несет черты предыдущего периода, но уже заметны некоторые новые элементы. В частности, развитие промышленного производства, машинной индустрии привело к изменениям как в облике человека, так и окружающем его городском пространстве. «Предметы, их синтаксис и их риторика отсылают к определенным социальным целям и социальной логике. Поэтому они говорят не столько о технических практиках использования, сколько о социальных претензиях и покорности, социальной мобильности и инертности, о привыкании к новой культуре и погруженности в старую, о стратификации и социальной классификации»⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальная теория и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 195.

² Муравьева И.А. Век модерна: панорама столичной жизни. Т.1. СПб.: Издательство «Пушкинский фонд», 2001; Руга В., Кокорев А. Москва повседневная. Очерки городской жизни начала XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006; Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII - начале XX века. М.: Наука, 2006; Лавицкая М.И. Орловское потомственное дворянство второй пол. XIX

- нач. XX века. Орел: Издательство «Вешние воды», 2005; *Лавицкая М.И.* Орловское купечество второй пол. XIX -нач. XX века. Орел: Издательство ОРАГС, 2007; *Кислodosова Т.А.* Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX - XX века. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2012; *Микитюк В.П., Яхно О.Н.* Повседневная жизнь Екатеринбургa. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2014; *Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенный период России (на материалах Оренб. губ. вт. пол. XIX - нач. XX века).* Оренбург: ООО «Оренбургское книжное изд-во им. Г.П. Донковцева, 2020.
- ³ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебн. пособие. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. С. 129.
- ⁴ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004. С.7.
- ⁵ История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014; *Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания.* М.: Политическая энциклопедия. 2019.
- ⁶ *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Издательство «Рудомино», 1995. С.7.
- ⁷ *Демиденко Ю.* История костюма как историческая дисциплина // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2006-2007. Вып. 2. С. 9-30.
- ⁸ *Казаринова В.И.* Красота, вкус, экономика. М.: Экономика, 1985. С.78.
- ⁹ *Фефилова Л.Ю.* Методика исторического анализа европейского костюма конца XIX- начала XX в. по фотоматериалам Урала и Сибири. Автореф. дисс. Канд. Ист. наук. Екатеринбург, 2007.
- ¹⁰ *Яхно О.Н.* Мода эпохи модерна: идеи и реальность на страницах российской прессы // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020. № 5. С. 181-213.
- ¹¹ Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 113.
- ¹² Женщина. 1908. № 6. Вып. III. С. 1.
- ¹³ Поваренная книга известного кулинера Д. И. Бобринского. Харьков, 1913. С. 140-146.
- ¹⁴ Рекламное объявление // Голос Урала. 1912. 3 ноября.
- ¹⁵ Наша пища. 1891. № 10. С. 16.
- ¹⁶ Дамский мир. 1915. № 10. С. 33.
- ¹⁷ Там же. С. 34.
- ¹⁸ Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея. Омск, 1993. С. 46, 49.
- ¹⁹ Там же. С. 50.
- ²⁰ Пермская художественная галерея. Коллекция керамики. К-2277, К-2189.
- ²¹ *Крупянская В.Ю., Полищук Н.С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX в. – начало XX в. М., 1971. С. 144.
- ²² Там же. С. 146.
- ²³ Розничный преискурнт Торгового дома Бр. Агафуровых. СОКМ. с/м 24698/1 ф. 45. оп. 1.
- ²⁴ Екатеринбургская газета, 1906. № 1.
- ²⁵ Образцовая кухня. Сост. Н.Ф. Симоненко. М., 1892. С. 7.
- ²⁶ Хозяйка. 1906. № 29. С. 807.
- ²⁷ Живописная неделя. 1908. № 8. С. 7.
- ²⁸ Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С. 127.
- ²⁹ Уральский край. 1910. 4 июля.
- ³⁰ *Новь-Хозяйка дома: Мода и домоводство.* 1901. № 3. С. 7.
- ³¹ Уральский край. 1911. 1 марта.
- ³² Уральская жизнь. 1902. 5 июля.
- ³³ Пермская земская неделя. 1908. № 20.
- ³⁴ Петербургская жизнь. 1915. № 741. С.21.
- ³⁵ *Крупянская В.Ю., Полищук Н.С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX-XX в. М.: Наука, 1971.с.111-125.
- ³⁶ Интерьеры эклектики // Архидом. 2000. № 6. С. 10.
- ³⁷ Слово Урала, 1908. 6 февр.
- ³⁸ Уральская жизнь. 1911. 20 декабря.
- ³⁹ *Рокамора А.* Одевая город: Париж, мода и медиа. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 69-70.
- ⁴⁰ *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономики знака. М., 2004. С.22.

**SUBJECTS OF HOUSEHOLD AND PERSONAL ITEMS AS A SOURCE
FOR STUDYING THE URBAN EVERYDAY LIFE OF THE LATE IMPERIAL ERA**

© 2021 O.N. Yakhno

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The author discusses the need to expand the source base for studying the history of everyday life. It is noted that a solid pool of historiographic works has already been accumulated in this area of research. Recent publications focusing on the reconstruction of everyday life in national capitals and provincial centers contain extensive generalizations and conclusions. At the same time, almost all studies are based on various legal acts, current records, statistical materials, publications in periodicals of a relevant period, and written sources of private origin. Subjects of material culture, the «world of things» that surrounds people in their everyday life, receive much less attention as a potential source of research. The article demonstrates in what way the analysis of numerous household items, various accessories for hobbies and pastime, as well as personal care items, may contribute to a better understanding of both the material side of everyday life and the diversity of individual and group preferences, behavioral and communication styles, and value orientations of the people. The author draws a conclusion that this approach is particularly important for studying the changes in everyday life observed in critical periods in the Russian history characteristic of the early 20th century.

Keywords: source study, everyday life, material sources, mentality, lifestyle, Modern age.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-108-117